

Когда мы были детьми

Толпы гудят на разные голоса. Одни угрожающе ворчат, источая недоверие и опасность, словно огромный сторожевой пес. Такие толпы ждут лишь предлога для того, чтобы, оборвав бесполезное рычание, бросится вперед – рвать, мять и крушить. Другие гудят празднично и беспечно. Их беззаботный трубный голос сплетается из тысяч голосов, осведомляющихся о том, как прошли выходные, предлагающих еду и питье, флиртующих, интересующихся планами и обсуждающих знакомых. Третьи вообще не гудят – они откликаются на призывы. Дружно, мощно, разевая рты только по команде и исторгая один многоголосый, но единый крик одобрения и безоговорочной поддержки.

Толпа, собравшаяся на Севильской площади, гудела с любопытством и нетерпением. Вначале все глаза были направлены в центр площади – туда, где окруженный цепью неподвижных крепких фигур, возвышался деревянный столб. Но час спустя жадное внимание ослабло. Толпа была недовольна.

- Никак случилось что.
- Да что там могло случиться – время еще не пришло.
- Святые отцы знают что делают. Раз не начинают – значит надо.
- Неуж, помер?
- Не-е... вчера жив еще был.
- Припекать-то начало. А я шляпу дома оставил.
- Ничего, ему больше припечет.
- Как пить дать – огонь, говорят, медленный.
- Ну-у? Медленный? Сколько продержится интересно
- А это уж как повезет. Вот громко ль кричать будет?
- И будет ли?
- Будет, будет. Все кричат.
- Ну не скажи. Когда прошлым летом на королевской свадьбе жгли, еретик один ни слова не сказал. Уж пузыри на полтела были, а все молчал. Только под конец стонать начал, люди сказывали.
- Вот таких жечь и надобно.
- Это уж точно. В них самое зло.
- Шляпу я дома оставил, вот беда-то. Думал, быстро обернусь. И сынишка стоять устал.
- А громко ль кричать будет? Стоим ведь далеко.
- А вы, сеньор, что скажете?

Высокий человек в не по моде длинном плаще прервал разговор со своим спутником и вполборота посмотрел на коренастую фигуру в красном кафтане.

- Я полагаю, - сказал он, обнаруживая несвойственное уроженцам Севильи мягкое произношение, - что осужденный будет кричать громко. И долго. Ветер сегодня отдыхает, а еретик, как говорят, не сильнее духом, чем любой из нас. Так что, мясник, услышишь ты достаточно.

И он равнодушно отвернулся.

- Высокородный, - с уважением протянул мясник, поворачиваясь к соседу. - Слышь, говорит как?

Сосед, худой словно щепка, крестьянин согласно кивнул, прижимая к себе скучающего мальчонку лет шести.

- Не из наших краев, видать. Говор-то неместный.

Он посмотрел вверх и тоскливо прибавил:

- А я шляпу дома забыл.

- Ты лучше поменьше язык чеши с этим нездешним, - свистнул под ухом мясника чей-то голос. - Нехорошие он вещи говорит. Опасные. Честных христиан с паршивым еретиком ровняет.

Мясник опасливо глянул вправо, уперся взглядом в человека с ног до головы одетого в черное и немедленно, словно делаясь меньше ростом, виновато забормотал:

- Да я ничего... Не знаю я его... Только и спросил-то... А ровнять никого ни с кем не ровнял. Высокородный сказал - с него и спрос. А я только вчера святой деве жертвовал. Первый раз его вижу. Не знаю я его...

- Вот и не знай, - тихо раздалось в ответ. - Всякое ведь бывает.

- Не знаю, не знаю... - увел голову в плечи мясник.

- Ну вот, опять, - укоризненно сказал человеку в плаще его спутник. - Вечные приключения. Мы же сюда пришли с какой-то целью.

- Цель всегда одна, - вполголоса проговорил человек в плаще, задумчиво глядя на столб. - Только бесполезно все это, дон Диего. Бесполезно, глупо и что самое главное, уже полчаса как скучно.

Приземистый дон Диего, выглядевший лет на двадцать старше своего собеседника укоризненно покачал головой.

- Бесполезность определяется лишь вашим отношением к делу. Главное...

Что именно он считал главным, так и осталось неясно - толпа заволновалась. "Идут! Идут!" - возбужденно зашелестело вокруг на все голоса. И точно: разрезая людское море, под звуки траурного церковного гимна, на площадь медленно входила процессия. Впереди медленно перебирая ногами, вышагивали мощные кони "родственников инквизиции". Сидящие на них всадники зорко вглядывались в лица людей, очевидно, пытаясь разглядеть малейшие признаки недовольства или сострадания. Торжественно под напором легкого ветра колыхалась тяжелая черная материя штандартов. "Пока-айся... Пока-а-айся, грешник..." - уныло тянули монахи. А между ними, опустив голову и спотыкаясь на каждом шагу, медленно брел осужденный. Черти покрывавшие его санбенито скалились в толпу, искривляясь вместе со

складками одежды в такт шагам. Традиционная зеленая свеча в руке и толстая веревка на шее дополняли привычный образ.

- Ослаб, еретик, ослаб... - сказал кто-то неподалеку от дона Диего. - А ты не гречи.

- Папа, а еретик плохой, да? - громко спросил сын крестьянина.

- Плохой, плохой, - испуганно и торопливо заговорил тот, озираясь по сторонам и прижимая вихрастую голову мальчишки к своему бедру. - Хуже не бывает. Я тебе дома сколько раз говорил, что еретики - враги веры истинной. Хуже разбойников. Вчера еще, помнишь? Каждый день ведь дома говорим...

Человек в плаще обернулся и с некоторым интересом посмотрел на крестьянина. Под спокойным взглядом серых глаз тот совсем разнервничался и уже почти шепотом повторил:

- Дома говорим... Каждый день, сеньор. Каждый божий день.

- Вижу, - ответил сероглазый, поворачиваясь в сторону процессии.

- Бесполезно, дон Диего, бесполезно, - сказал он минут двадцать спустя, когда осужденный уже сидел на грубой деревянной скамье позора возле эшафота. - Опять то же самое. И эта латынь... Они ведь даже не понимают, о чем он говорит.

Над площадью разносился тренированный голос инквизитора. Монотонные латинские фразы шли нескончаемым потоком. На лицах людей застыло выражение напряженного внимания. Как обычно после грозной проповеди на испанском следовал приговор на латыни, и большинство с трудом улавливало смысл. Наконец, приговор был завершен, и сторбленная фигура осужденного двинулась к столбу в окружении монахов.

- Покайся, грешник, покайся... - настойчиво твердили они. - Не упusti последний шанс. Геенна огненная ждет тебя! Отрекись от ереси, не искушай терпение Господне...

Но осужденный лишь тряс головой и иногда невнятно мычал.

- Совсем в ереси погряз, - с осуждением сказал мясник. - Покаяться мог бы, послушать святых отцов.

- Мог бы, - громко согласился сероглазый, вызвав этим недовольный взгляд дона Диего. - Если бы язык вчера не выдрали. Переусердствовал палач.

Мясник с испугом поглядел на него и только плотно сжал губы. Тем временем осужденный прошел по узкому проходу в хворосте и встал у столба. Палач начал вязать ему руки, ловко орудуя веревкой.

- Папа, а еретика будет больно? - снова раздался детский голос.

- Будет, будет, - скороговоркой заговорил крестьянин. - И поделом ему. Смотри внимательно - только так с врагами веры и можно.

- А почему он не уйдет?

- Потому что привязан. Да и кто ж ему даст... Ты смотри, смотри, потом спросишь.

- А ему...

- Да замолчи уже! - с отчаянием прикрикнул отец, косясь на человека в черном, который, казалось, был полностью поглощен зрелищем. - Вот ведь послал бог наказание.

Инквизитор в последний раз поднес к губам осужденного распятие и отошел от столба, задевая хворост полами сутаны. Двое помощников палача быстро забросали проход, и осужденный оказался в сплошном коричнево-сером круге. В руке у палача появился факел. Пламя было почти невидно в ясном пронизанном солнечным светом воздухе, и лишь по колеблющемуся мареву было понятно, что факел уже зажжен.

- Бесплезно, друг мой, бесплезно, - снова сказал сероглазый.

- Но ведь они не всегда были такими, - горячо прошептал дон Диего, не отводя замороженного взгляда от факела.

- Поверьте мне, всегда. Всегда были и всегда будут.

- Нет, даже эти, именно эти люди. Они ведь когда-то были детьми. Если бы они могли вспомнить. Хотя бы на миг!

- Зачем же вспомнить? - отозвался сероглазый. - Можно и лучше. Заодно и покончим с этими давними спорами. Только все это напрасно.

И он, будто что-то вспоминая, прикрыл веки.

- Не смейте этого делать, - неожиданно веско сказал дон Диего, глядя на него. - Во-первых, это просто запрещено. Во-вторых, это бессмысленно. Вы меня слышите? Не смейте этого...

Палач склонился над хворостом. И в этот момент сероглазый глубоко вздохнул и, словно стряхивая с пальцев невидимую воду, резко разбросал пальцы правой руки.

Словно тяжелый вздох пронесся над площадью. Прошелестел еле слышный пощелкивающий звук. И стало очень тихо. Собравшейся с утра толпы больше не было. Вместо нее площадь заполняли дети. Море детей. Они стояли, щурясь от яркого солнца, и на их лицах не было ничего кроме недоумения. Лет пять-шесть, не старше. Мальчики и девочки. Одетые так, как будто они пришли поиграть во взрослых. Крошечные костюмы ремесленников всех сортов, потрепанные одежды крестьян, мундиры солдат, красочные платья знати, черные рясы монахов сплетались в пестрый узор. А в центре площади, которая теперь казалась еще огромнее, окруженный со всех сторон наваленным хворостом стоял у столба мальчик со связанными за спиной руками. С его длинного, до пят, санбенито смотрели горящими глазами ехидные смеющиеся рожи. Ветер ласково шевелил каштановые волосы. По перекосившемуся сморщившемуся лицу было видно, что сейчас он заплачет.

Ставшая очень высокой стена хвороста отделяла его от группы детей в черном. Возле них, широко расставив ноги и с трудом удерживая факел, стоял крепко сбитый лобастый мальчик в костюме палача. Он, не отрываясь, смотрел на столб и шевелил губами, что-то неслышно говоря. Площадь была затоплена молчанием. Лишь вдалеке поскрипывала мотающаяся на ветру створка ставень, да всхрапывали стреноженные лошади.

- А-а-аа... А-а-аа... - вдруг протяжно и тонко закричал мальчик у столба. - Ма-ама!

Оцепенение исчезло. Вся площадь мгновенно пришла в движение. Мальчик-палач, отбросив факел, принялся разгребать хворост. От дрогнувшей группы в черном отделилась фигурка и, держа в руке тяжелое распятие, кинулась к нему на помощь. Остальные бросились врассыпную.

- Мама! Мама! – раздавалось в толпе, начиная сливаться в многоголосый плач. Кто-то громко завизжал.

- Хватит! Сейчас начнется давка! – страшным шепотом сказал мальчик, стоявший на месте дона Диего.

Рослый сероглазый мальчуган кивнул и, не отрывая взгляда от того, что происходило у столба, опять стряхнул невидимые капли.

- Ну, дела... - произнес низкий бас мясника, когда гул немного утих и стали слышны отдельные голоса. – Спаси и сохрани, Господи... Спаси и сохрани.
- Как же это? – слышалось вокруг. – Ведь дети были, дети!
- Нечистый попутал... Все его дела. Не зря этих жгут.
- А руки-то, какие были! Руки...
- Почудилось, почудилось все. Жарит страшно, вот и привиделось.
- А ну отойди! Куда прешь-то? Куда прешь?
- Смотрю, а жена - дите малое. Как есть дочка наша. Только ростом пониже будет.
- Не верю я этому. Не могло этого быть. Не могло.
- Говорю же: почудилось.
- Да куда ты все время прешь, скотина?!
- Смотри, смотри! Да не туда – на столб.

А у столба по-прежнему стоял со скрученными руками осужденный. Ничто кроме коротких каштановых волос не выдавало в нем того ребенка, который минуту назад испуганно звал маму. Запавшие глаза, обведенные темными кругами, тоскливо смотрели на помощников палача, которые заботливо поправляли развороченный хворост. Подобравший же факел палач стоял в нерешительности. Он искоса погладывал на инквизитора, переминался с ноги на ногу, но не зажигал костер.

- Что стоишь?! – грозно спросил инквизитор, надвигаясь на него. – Не знаешь, что с осужденными еретиками делают?

Палач смиренно опустил голову.

- Но... когда мы были детьми... - неуверенно начал один из монахов. И тут же замолчал, словно осознав нелепость своих слов.

- Когда мы были детьми, - каркающим голосом сказал инквизитор, - мы не знали, что есть наш долг! Испугались?! Духом ослабли?! Искушение снизошло на нас свыше ниспосланное. Веру нашу проверить, души укрепить – вот что таинство это сделать должно. Тверже камня веру сделать... Сомневающимся указать, - многозначительно добавил он, взглянув на монаха, а затем обводя взглядом притихшую толпу. - А ну, палач! Что медлишь? Или на место его захотел?

И огонь факела лизнул радостно вспыхнувший хворост.

* * *

- Бесполезно. Все бесполезно, - с горечью сказал человек в плаще, глядя на разгорающийся костер и суетливо подкидывающие ветки фигуры. - Обречены.

Дон Диего покачал головой, тронул его за локоть и едва заметно кивнул в сторону стоящего неподалеку крестьянина. Тот со странным упрямым выражением не отрываясь, смотрел на пляшущие языки пламени. А его судорожно напряженные ладони плотно закрывали глаза сына.
